

На правах рукописи

СУН ДАНЬДАНЬ

**МЕМУАРНЫЙ ОБРАЗ КИТАЯ НАЧАЛА XX ВЕКА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ
Б. С. КОЛОКОЛОВА И С. А. ДАЛИНА)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2023

Работа выполнена на кафедре русского языка и речевой коммуникации
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент **Копнина
Галина Анатольевна**

Официальные оппоненты: **Орлова Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кафедра русского языка, литературы и документных коммуникаций, профессор

Бурмакина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», кафедра общего языкознания, заведующая

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Защита диссертации состоится 22 ноября 2023 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 24.2.404.11 на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет», по адресу: г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 9, ауд. 4–02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан «___» 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бурмакина Наталья Геннадьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено выявлению специфики языкового (речевого) образа Китая начала XX века в русскоязычных мемуарах двух авторов и выполнено на пересечении активно развивающихся научных направлений современного языкознания – лингвистической имагологии и лингвистики дискурса. Первое направление в современном языкознании сформировалось благодаря становлению имагологии как гуманитарной науки, которая изучает образ «своего» и/или образ «чужого» – чужой страны, чужого народа и т. д. (А. В. Зеленин, Л. П. Иванова, С. Д. Камалова и др.); второе – развитию теории дискурса в системе наук о языке, который в нашем исследовании понимается как совокупность текстов, взятых с учетом экстралингвистических условий их создания (Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, А. К. Хурматуллин, С. Л. Кушнерук и др.). Исследование соответствует п. 7 («Текст, дискурс, дискурсивные практики в русском языке и других языках России») и п. 11 («Филологический анализ памятников и текстов на русском языке, на другом языке России») паспорта специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

В качестве отдельного направления Л. В. Калинина выделяет лингвистику образа, но отмечает, что оно выходит за рамки «чистой филологии». Лингвистика образа «изучает то, как с помощью единиц языка человек пытается передать свой интериоризированный, внутренний опыт, связанный как с непосредственным восприятием реальных фактов и событий, так и с представлением каких-либо фактов и событий в памяти и воображении и их интерпретацией»¹. В ней можно выделить различные «зоны исследовательского интереса»². Так, целый ряд работ посвящен лингвистической интерпретации образа человека (Л. В. Калинина, Н. Г. Наумова, С. В. Чернова, Е. Ю. Яковенко и др.); образа географического региона, в частности Кавказа (А. Н. Таджибова), или образа страны, например России (О. В. Чупракова); образа «чужого» (М. Х. Рахимбергенова), «себя» и «другого» (А. В. Разумкова); образа отдельного географического места, например английского сада (Н. Ю. Гончарова); социального института, например университета (О. В. Свиркович), и многих других образов. Тем самым «лингвистика образа» является зонтичным термином, объединяющим междисциплинарные исследования образов различного типа.

Защищен целый ряд диссертаций, посвященных лингвистическому исследованию образов различных стран: Германии, России, Франции, Японии и других (например, работы Е. Е. Коптяковой, О. В. Морозовой, О. В. Чупраковой, В. А. Казанцевой), – но общепринятая методика лингвистического анализа образа страны в том или ином типе дискурса отсутствует. Это при-

¹ Калинина Л. В. Лингвистика образа как актуальное направление современного языкознания // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019) : сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф. : в 4 т. Киров : Вят. гос. ун-т, 2019. С. 342–343.

² Там же. С. 342.

знается и в рамках лингвоимагологии (например, К. В. Костиной, А. В. Тупчий, С. Д. Камаловой).

Несмотря на то что контакты между Россией и Китаем имеют длительную историю, образ Китая в начале XX века до сих пор остается малоизученным в России (краткий обзор исторических работ по проблеме представлен, например, в публикациях А. В. Лукина, А. С. Титаренко). Лингвисты образ Китая рассматривают на материале средств массовой информации (например, Хуэйцинь Чжан, И. С. Карабулатова, М. Д. Лагуткина), мемуарная же литература как материал исследования этого образа ими не привлекалась.

Таким образом, **актуальность** предпринятого нами исследования обусловлена: его ингерентно-междисциплинарным характером; усилением внимания языковедов к специфике отражения образов той или иной страны в различных типах дискурса, вызванным развитием информационных технологий; недостаточной разработанностью теоретико-методологических основ лингвистического исследования образа страны; недостаточной лингвистической изученностью образа Китая, несмотря на существование многолетней дружбы между Китаем и Россией, влияющей на языковое сознание народов.

Научная новизна работы определяется вовлечением в круг лингвистических исследований образа Китая мемуарных текстов, которые принадлежат двум важным политическим деятелям, в определенной степени повлиявшим на развитие и характер отношений между странами, и которые представляют в силу этого культурно-историческую ценность.

Объектом исследования является языковой (речевой) образ Китая начала XX века, представленный в дискурсивном мире русскоязычных мемуаров двух авторов – Б. С. Колоколова и С. А. Далина; **предметом** – коммуникативные стратегии, тактики и характерные для них языковые и речевые средства, направленные на создание этого образа.

Цель исследования – охарактеризовать коммуникативные стратегии, тактики и реализующие их языковые и речевые средства, направленные на репрезентацию образов Китая в русскоязычных мемуарных текстах Б. С. Колоколова и С. А. Далина и создающие в совокупности дискурсивный мемуарный образ Китая начала XX века.

Реализация этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть проблему определения понятий «языковой образ» и «языковой (речевой) образ страны»;

2) охарактеризовать образ страны как объект лингвоимагологических исследований;

3) выявить и рассмотреть дискуссионные вопросы лингвистических исследований мемуарных текстов;

4) выявить и описать коммуникативно-речевые стратегии, тактики и характерные для них языковые/речевые средства, направленные на репрезентацию образа Китая в мемуарных записках Б. С. Колоколова;

5) выявить и описать коммуникативные стратегии, тактики и характерные для них языковые/речевые средства, направленные на репрезентацию образа Китая в мемуарах С. А. Далина;

б) сопоставить полученные результаты исследования образа Китая в мемуарных текстах названных авторов и дать обобщающую лингвистическую характеристику образа Китая начала XX века, представленного в дискурсивном мире русскоязычных мемуаров.

Материалом исследования послужили русскоязычные мемуары: «Б. С. Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене» Бориса Сергеевича Колоколова и «Китайские мемуары 1921–1927» Сергея Алексеевича Далина. Общий объем проанализированных текстов составляет 21 печатный лист.

Борис Сергеевич Колоколов (1911–2001) родился в Харбине (Китай) в 1911 году. Он был сыном последнего российского императорского генерального консула в Мукдене (Шэньян). После кончины отца от болезни (1921) Б. С. Колоколов, его брат и сестра остались со своей матерью в Китае в качестве русских эмигрантов до 1954 года. В 1954 году, когда объявили репатриацию русских эмигрантов на целинные земли, он со своей семьей выехал в СССР. Мемуарные записки Б. С. Колоколова («Б. С. Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене») были опубликованы Е. Б. Кузнецовой и М. Ю. Сорокиной в журнале «Диаспора. Новые материалы», который вышел в Париже в 2007 году. Оригинал рукописного текста Б. С. Колоколова (три толстые общие тетради) хранится у Е. Б. Кузнецовой, которая, как пишет М. Ю. Сорокина (автор предисловия), «...расшифровала и отредактировала рукопись, не меняя структуры и содержания текста, а также сохраняя характерные для автора мемуаров обороты, некоторую старомодность его изложения и т. п.»³. В мемуарах Б. С. Колоколов описывает свою жизнь в Китае с 1911 до 1925 год.

М. Ю. Сорокина отмечает, что воспоминания Б. С. Колоколова дают «уникальные сведения <...> о сложной и непредсказуемой жизни консульской семьи в китайской провинции на переломном этапе и китайской, и российской истории»⁴. Она пишет также, что если «русский Харбин» и «русский Шанхай» достаточно хорошо изучены, то «судьба “региональных отрядов” российской эмиграции и вообще “русских в Китае”, уже более столетия интенсивно обживающих китайскую провинцию, остается на периферии научного интереса, хотя заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем события и люди Харбина или Шанхая»⁵, что свидетельствует об исторической ценности материала. Примечательно, что в записках создается мемуарный образ не

---

³ Кузнецова Е. Б., Сорокина М. Ю. Б. С. Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене // Диаспора: Новые материалы. 2007. № 9. С. 14. Далее в тексте автореферата иллюстративный материал приводится из этого источника.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 8.

только русских в Китае, российского консульского мира, но и образ самого Китая начала XX века.

Сергей Алексеевич Далин (1902–1985) несколько раз приезжал в Китай в 20-х годах XX века. Как представитель Коммунистической партии Советского Союза, он принимал участие в китайском революционном движении. Его мемуары повествуют о том, что он увидел и испытал в Китае с 1921 по 1927 год: о китайском обществе под влиянием иностранных держав и революционных волн, трудной жизни китайских трудящихся, их борьбе за свое освобождение, о контактах автора с демократическим революционером Сунь Ятсеном и руководителями Коммунистической партии Китая.

Таким образом, названные мемуарные тексты неслучайно выбраны в качестве материала исследования. Борис Сергеевич Колоколов родился в Китае и там прожил первую половину своей жизни, являясь сыном русских эмигрантов. Сергей Алексеевич Далин был советским коммунистом. Данным фактом определяется их разное отношение к Китаю, они обращают внимание на различные аспекты образа страны. Сопоставление и совмещение этих образов позволяет получить многоаспектный мемуарный образ Китая начала XX века, что обуславливает смысловую репрезентативность материала исследования и в конечном счете позволяет осмыслить коммуникативную ценность образа. О значимости научного осмысления субъективных образов пишет Б. П. Гаспаров: «Необходимо хотя бы прикоснуться к миру личностных образных представлений, во всей его субъективности, чтобы можно было поставить вопрос о том, как этот мир субъективных образов приобретает коммуникативную ценность, то есть приходит в соприкосновение с аналогичными мирами других личностей»⁶.

В ходе исследования использовались следующие **методы** и приемы: общий аналитико-описательный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения, интерпретации, классификации и позволяющий представить картину функционирования образа в мемуарном дискурсе; методы контекстуального (в широком смысле, включая биографический контекст) и количественного анализа (основанного на подсчете частотности тех или иных языковых/речевых единиц); стилистический анализ текста, позволяющий выявить изобразительно-выразительные и эмоционально-оценочные средства языка и речи, значимые для репрезентации образа страны; дискурсивный анализ, представляющий собой совокупность методов интерпретации текста как продукта речевой деятельности людей, осуществляемой в определенных обстоятельствах и условиях. Для определения и визуализации частотности слов в мемуарных текстах применялся статистический метод с использованием языка программирования Python и библиотек «NLTK» (Natural Language Toolkit – Инструментарий обработки естественного языка) и «WordCloud».

---

⁶ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение, 1996. С. 247.

С помощью NLTK произведён частотный анализ слов в текстах мемуаров, затем на его основе с помощью «WordCloud» созданы облака слов, визуализирующие результаты.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные прежде всего вопросам имагологии, как общей (Ж.-М. Карре, М. Ф. Гийяра, Хуго Дизеринк, Мэн Хуа, Чжао Ин, А. Р. Ощепков, О. Ю. Поляков, В. Б. Земсков, О. В. Томберг, Е. В. Папилова), так и лингвистической (Ш. Хайров, М. А. Бойцов, К. В. Костина, Т. А. Кожевникова, Л. П. Иванова, А. В. Зеленин и др.); исследования в области лингвистики дискурса (Т. А. ван Дейк, Е. А. Петренко, Г. В. Редько, А. А. Еремеева и др.), семантики (И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд, Е. А. Юрина и др.), стилистики (Э. С. Азнаурова, Г. Я. Солганик, А. П. Сковородников и др.) и риторики (Т. Г. Хазагеров).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в развитие лингвоимагологических исследований (в русское имагологическое поле включаются научные работы китайских ученых, вводится понятие мемуарного образа страны) и лингвистики дискурса (предъявляет разработанную методику дискурсивного анализа применительно к мемуарным текстам, характеризует специфику дискурсивной мемуарной практики в русском языке).

Практическая ценность полученных результатов заключается в том, что они могут использоваться в практике преподавания лингвоимагологии, теории жанроведения, дискурсивной лингвистики, а также истории русской мемуаристики.

Положения, выносимые на защиту

1. Мемуарный образ страны – это сформированное в сознании человека, группы людей или общества в целом устойчивое представление о той или иной стране, репрезентированное (объективированное) в мемуарном тексте/дискурсе с помощью определенных коммуникативных стратегий, тактик и характерных для них языковых и речевых средств. Этот образ является формой культурной памяти.

2. Мемуарный образ страны входит в сферу интересов лингвистической имагологии и лингвистики дискурса, что позволяет предложить адекватную объекту методику его междисциплинарного исследования, в основе которой – метод дискурсивного анализа, включающий определение общих коммуникативных стратегий текстов, связанных с реализацией коммуникативно-прагматических целей авторов текстов, и внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий, выделенных на основе функционально-стилистического анализа композиции текста.

3. Образ Китая начала XX века в исследованном мемуарном дискурсе на русском языке обусловлен эксплицитно выраженными в текстах глобальными коммуникативными стратегиями: мемориально-информационной – в мемуарных записках Б. С. Колоколова; имиджево-мемориальной – в мемуарах С. А. Далина. Интегральными для названных авторов внутрижан-

ровыми коммуникативно-речевыми стратегиями являются номинативная, нарративная и дескриптивная стратегии; дифференциальными – стратегия комментирования, характерная для мемуарных записок Б. С. Колоколова, и стратегия рассуждения, представленная в мемуарах С. А. Далина.

4. Лингвистическое описание внутржанровых коммуникативно-речевых стратегий с реализующими их тактиками и приемами позволяет комплексно охарактеризовать мемуарный образ Китая начала XX века, который предстает как сложный образ-схема, отражающий маршрут передвижений авторов (скитаний Б. С. Колоколова и командировок с политическими целями С. А. Далина), и образ-концепт, включающий в себя другие образы (географический образ страны, образ городов и малых поселений, образ народа, средств передвижения, образ политических деятелей и событий и др.). Различия в развертывании мемуарного образа обусловлены не только глобальной стратегией мемуарного текста как «места памяти», но и биографией авторов.

5. Китай в русскоязычных мемуарах начала XX века предстает как политически разрозненное государство, как страна с огромной территорией, развитыми городами и отсталыми сельскими районами, социальное неравенство в которой вынуждает народ, выполняющий низкооплачиваемый физический труд, активно участвовать в борьбе за свою свободу и улучшение условий жизни. Аксиологически в русском языке мемуарный образ Китая характеризуется лингвистическими средствами выражения сопричастности (в записках Б. С. Колоколова) и сочувствия, сострадания (в мемуарах как Б. С. Колоколова, так и С. А. Далина). В отличие от С. А. Далина, Б. С. Колоколов объективирует в тексте образ Китая как образ «другого», но «своего».

6. Коммуникативно-речевые стратегии создания образа в исследованных текстовых памятниках на русском языке определяют частотность функционирования в них лексических единиц, что подтверждается статистическим анализом.

Достоверность полученных результатов обеспечивается опорой на основополагающие отечественные и зарубежные труды в области лингвомагологии, лингвистики дискурса и теории памяти; использованием комплекса современных лингвистических методов исследования, включая статистический анализ текста с использованием языка программирования Python.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены и обсуждались на конференциях различного уровня: IX Международных (XXIII Всероссийских) филологических чтениях памяти профессора Раисы Тихоновны Гриб «Человек и язык в коммуникативном пространстве» (30–31.03.2018, г. Лесосибирск); Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (24–25.04.2018, Красноярск); Всероссийском семинаре «Экология языка и современные коммуникативные практики» (23–24.04.2019, г. Красноярск); Международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (15–17.10.2019, г. Екатеринбург); XI Всекитайской науч-

ной конференция «Семантическое исследование» (06–07.11.2021, г. Цюйфу, Китай); Всекитайской научной конференции «Современное зарубежное литературоведение и взаимная оценка цивилизаций» (27–28.08.2022, г. Шицзячжуан, Китай). По теме исследования опубликовано шесть научных статей, три из которых – в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в список, рекомендованный ВАК РФ.

Результаты исследования были использованы в процессе работы над грантовым проектом «Образ Китая в русскоязычной мемуарной литературе конца XIX – начала XX века: история и культура» (Управление по философии и социальным наукам провинции Хэбэй, Китай, 2022 год, руководитель проекта – Сун Даньдань).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. В приложении даны таблицы и рисунки, графически визуализирующие результаты анализа частотности слов с использованием языка программирования Python.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования; определяются его объект и предмет, цель и задачи, научная новизна и использованные методы; характеризуется теоретическая и практическая ценность работы; приводятся данные об апробации исследования; описывается структура диссертации.

В **первой главе «Теоретико-методологические основы лингвистического исследования мемуарного образа страны»** рассматриваются: проблема определения понятий «языковой образ» и «образ страны»; дискуссионные вопросы лингвоимагологического исследования образа страны, а также лингвистических исследований мемуарных текстов.

Параграф 1.1 «Языковой образ как лингвистическая категория» посвящен проблеме определения понятия «языковой образ», лингвистической типологии образов и определению мемуарного образа страны. В нем представлены основные точки зрения лингвистов на определение понятия «образ»: образ – это компонент значения слова, который связывают с двуплановостью его семантической структуры, где чувственное представление о реальности выступает вторым планом значения; составляющая концепта; отражение в языке знаний и представлений об окружающем мире – «языковой образ-концепт»; «образный отклик» воспринимающего языковой материал и единица анализа и интерпретации текста; информационная модель («сетка» категориальных схем), создаваемая СМИ; лингвокультурный типаж; имидж / родовое понятие для имиджа. Направление исследования образа определяет методика его изучения. Общим для различных лингвистических исследований образа является то, что в них речь идет не об образе в целом, который может быть и невербальным (И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд), а о репрезентации

образа в языковых и/или речевых средствах, его формировании с их помощью.

В параграфе рассматривается также проблема соотношения понятий «образ» и «имидж». В результате краткого обзора литературы по этой проблеме (М. А. Бойко, Т. Э. Гринберг, Л. П. Иванова, К. В. Костина и др.) формулируются критерии их разграничения. Если образ формируется естественным путем в течение относительно длительного времени, то имидж – это целенаправленно создаваемый образ, который может быть создан за короткое время и реализуется тогда, когда объект становится публичным; образ, как правило, более объективно отражает характеристики объекта, а имидж направлен на его улучшение.

В диссертации языковой (речевой) образ определяется как тип образа, представляющий собой сформированное в сознании человека, группы людей или общества в целом устойчивое представление (ментальная сущность) о том или ином объекте, объективированное в конкретном тексте/дискурсе с помощью языковых и/или речевых средств. Дается обзор лингвистических типологий образов. Образ страны выделяется на основе объекта исследования и возникает в сознании в результате ее восприятия – прямого (например, в случае посещения) или косвенного (чтение текстов, получение знаний от других людей) (П. П. Зверева, О. И. Максименко и др.).

В параграфе вводится понятие мемуарного образа страны, которое определяется как тип лингвистического образа, представляющий собой совокупность более или менее устойчивых представлений о той или иной стране, сформированных в сознании индивида, группы людей или общества в целом и репрезентированных (объективированных) в мемуарном дискурсе с помощью определенных коммуникативных стратегий, тактик и реализующих их языковых и речевых средств.

В параграфе **1.2 «Образ страны как объект лингвоимагологических исследований»** обозначаются основные истоки имагологических исследований в филологии и направления их развития, рассматриваются дискуссионные вопросы лингвистической имагологии. Характеризуются также особенности развития филологической имагологии в Китае со ссылками на работы Лю Хунтао, Дэн Фаньжун, Чжун Фань, У Илань, Чжоу Нин, Сун Бинхуй, Цзян Чжицин и др. ученых.

Главное отличие имагологии в Китае – образы других стран изучаются для постижения «себя» в «зеркале другого», что соответствует главной функции описания другого, о которой писал еще Э. В. Саид и которая связана с поиском собственной идентичности. Постепенно от обсуждения образа «другого» в художественных произведениях китайские ученые переходят к его изучению в других жанрах, таких как путевые заметки, дневники, мемуары, отчеты о дипломатических миссиях, газетные статьи или телепередачи о той или иной стране и т. д. Отдельное внимание в их трудах уделяется стилистическим приемам создания образа (Лян Сяобо, Линь Хай, Шэнь Ин, У Ган).

Российские исследования характеризуются многообразием дефиниций термина «имагология»: одни ученые, следуя французской традиции, рассматривают ее как направление литературоведения, изучающее образ «чужого/другого» (другой страны, культуры или другого народа) (О. В. Томберг), возможности передачи литературных образов и языковых стереотипов при переводе с одного языка на другой (В. А. Хорев); другие задачей имагологии считают также исследование образа «своего» (аутообраза) (О. Ю. Поляков, О. А. Полякова, С. Д. Камалова и др.).

Лингвоимагологию рассматривают как раздел имагологии общей (М. Ю. Андрейчева) или филологической (О. В. Томберг); как часть имиджологии (Т. А. Кожевникова), занимающейся исследованием технологий формирования образа, в том числе публичного (Г. Г. Почепцов); как направление, формирующееся на стыке различных гуманитарных дисциплин (А. В. Зеленин); «маргинальное» направление, принадлежащее прежде всего теории коммуникации и когнитивной лингвистике, или лингвистическое направление теории коммуникации (Л. П. Иванова). По-разному определяется и объект лингвоимагологии: оценки того или иного языка, их связь с внеязыковыми стереотипами и установками (Ш. Хайров); образ страны/государства в конкретном дискурсе (К. В. Костина); образ или имидж «чужого/другого» (страны, народа, этноса, культуры) (А. В. Зеленин, Л. П. Иванова), в том числе на основе сопоставления с образом «своего» (С. Д. Камалова).

В параграфе 1.3 «Текст как результат дискурсивной деятельности человека: исходные установки» обосновывается положение о том, что коммуникативные (коммуникативно-речевые) стратегии и тактики можно изучать как составляющие коммуникативно-смысловой структуры текста наряду с другими ее компонентами. Отмечается обширность литературы, посвященной определению понятий «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика», а также проблеме их классификации (Т. А. ван Дейк, Е. В. Клюев, Т. Е. Янко, О. С. Иссерс, Д. Н. Павлов и др.). В соответствии с принятыми в диссертации теоретико-методологическими положениями коммуникативная стратегия осмысливается как «осознанно избранный автором принцип порождения текста, <...> воплощающийся в выборе субъектом высказывания специфической жанровой формы и типичного набора текстовых и разноуровневых языковых средств»⁷. Принимается тезис о том, что смена коммуникативных стратегий автора «маркирует границы коммуникативно-смысловых частей (блоков) текста»⁸. Учитывается разграничение учеными глобальной коммуникативной стратегии, связанной с эксплицитно или имплицитно сформулированной автором коммуникативно-прагматической целью и определяющей жанровую принадлежность текста (Е. А. Кучинская), и внутрижанровых коммуникативных стратегий.

---

⁷ Петренко Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иоасафе»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

Далее в параграфе рассматривается роль коммуникативного регистра в строении речевого произведения. Композиты определяются как структурные элементы текста, выделенные на тематической, содержательной и функциональной основе (Е. В. Михайловская, И. А. Тортунова) и состоящие из речевых единиц одинаковых или разных коммуникативно-регистрационных функций (Г. А. Золотова). Выбором и комбинацией языковых/речевых средств руководят коммуникативные стратегия и тактики автора текста. В мемуарах композиты соответствуют одному или нескольким воспоминаниям и выделяются графически (Н. А. Орлова). Их анализ позволяет определить коммуникативно-речевые тактики, понимаемые как речевые действия, соответствующие тому или иному этапу в реализации коммуникативно-речевой стратегии (А. П. Сковородников).

В параграфе **1.4 «Дискуссионные вопросы и основные аспекты лингвистических исследований мемуарных текстов»** рассматриваются вопросы о жанровом статусе мемуаров и их классификации, основные аспекты лингвистических исследований мемуарных текстов.

Мемуары – это произведение, которое в форме записок от лица автора повествует о реальных событиях прошлого, участником или свидетелем которых он был. В тех или иных вариациях подобное определение представлено в толковых словарях, энциклопедиях, учебных пособиях, монографиях, диссертациях и многих научных статьях. Вместе с тем жанровый статус мемуаров определяется по-разному. В зависимости от соотношения в тексте документальности и художественности их относят к документальным (Т. А. Костюкова), документально-художественным, художественно-документальным (Т. Г. Симонова, О. И. Тарасова) или документально-публицистическим жанрам (Е. А. Журавлева). Есть мнение, что мемуары занимают пограничное положение между деловыми документами, историческими исследованиями и художественными произведениями, поэтому их считают самостоятельным публицистическим жанром (Ю. Н. Мажарина).

Жанровый статус конкретного мемуарного текста зависит от собственных ему признаков, среди которых выделяют: отражение внешнего мира, документальность, ретроспективность, субъективность (А. В. Сурина, О. И. Тарасова); мемориальность; эстетизацию на уровне содержания текста и его стиля (Т. Г. Симонова); диалогичность (Р. К. Пирмагомедова); имиджевость, или величину авторского «я»; возникновение в границах определенного социально-исторического контекста (Ю. Н. Мажарина). Эти признаки могут быть по-разному представлены в текстах, поэтому в «жанровое семейство» мемуаров (В. М. Белова) включают и собственно мемуары, и дневники, и письма, и путевые заметки, и мемуары так называемого монтажного типа. В отдельную группу выделяют литературные мемуары (вторичные, как считает Н. А. Орлова), которые подразделяются на такие разновидности, как мемуары-хроника, мемуары-роман, мемуары-повесть, мемуары-очерк, мемуары-портрет, мемуары-зарисовка, мемуары-миниатюра, мемуары-эссе (Т. Г. Симонова). В соответствии с полевым подходом в мемуаристике выделяются:

а) ядро, которое образуют жанры собственно мемуаров и автобиографии; б) близкая к ядру часть, в которой находятся дневники и записные книжки; в) периферийная область, которую составляют письма и литературный портрет (В. М. Белова). Воспоминания подразделяются также на объектно ориентированные (собственно мемуары, записки), то есть воссоздающие объект авторского внимания, и субъектно ориентированные, или автобиографические (прерванная и эпическая автобиографии) (Н. А. Орлова).

Во второй главе «Коммуникативно-речевые стратегии, тактики и приемы создания образа Китая в мемуарных записках Б. С. Колоколова» с опорой на изложенные выше теоретико-методологические постулаты представлено лингвистическое описание образа Китая в мемуарах Б. С. Колоколова.

Параграф 2.1 «Мемориально-информационная стратегия и ее субстратегии в мемуарных записках Б. С. Колоколова» посвящен аргументации выделяемых на основе анализа текста стратегий – глобальной (общей) коммуникативной стратегии и внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий. Глобальная стратегия текста связывается с реализацией сверхзадачи, эксплицитно сформулированной автором («оставить след на бумаге» «о жизни нашей семьи в Китае и о том, как дальше сложилась судьба дорогих и близких мне людей») и определяется как мемориально-информационная. Отсюда достаточно высокая частотность слов *мама, папа, семья, дом*. Названная стратегия реализуется с помощью четырех внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий, имеющих отношение к развертыванию текста и образа Китая и определяющих выбор и частотность языковых и речевых средств: номинативной стратегии как выбора способа именования элемента внеязыковой действительности, связанного с создаваемым образом; нарративной стратегии, соответствующей линии передвижения главного героя по стране; дескриптивной стратегии, связанной с описанием увиденного; стратегии комментирования излагаемых фактов. Каждая коммуникативно-речевая стратегия реализуется при помощи определенных тактик, описанных в соответствующих параграфах.

В параграфе 2.2 «Тактики номинативной стратегии репрезентации образа Китая» характеризуются тактика именования ключевого образа-концепта и тактика именования объектов с использованием единиц, производных от слова *Китай*.

Анализ сочетаемости топонима *Китай* (номината образа-концепта) с причастиями, прилагательными и глаголами позволяет говорить о его метонимическом употреблении, а также вывести признаки образа «Китай», наиболее важные для автора воспоминаний. Лексема *Китай* используется в сочетании с глагольными формами, контекстуально репрезентирующими признак «активность действий», который содержится также в перифрастическом наименовании *участник Первой мировой войны: Китай как участник Первой мировой войны уже потребовал уравнивания себя в правах с другими победившими державами* (с. 43). Тем самым создается персонифицированный

образ Китая как государства, способного отстаивать свои интересы. Однако атрибутивные сочетания, в которых *Китай* является зависимым словом, а в роли главного выступает причастие *навязанные*, позволяют извлечь смысловой признак «неуспешности действий на международной арене», например: *Это и навязанные Китаю неравноправные договора...* (с. 87).

Широко используются существительные тематической группы «Страна и ее территория» (*побережье, провинция, города, окраины, части, север, юг, граница, артерии* («путь сообщения»)) в сочетании с ключевым словом-номинатом образа, например: *То было время дележа опорных пунктов на побережье Китая* (с. 43). Создается образ обширного пространства, в котором происходят описываемые события. Свои путешествия по стране автор оценочно именуется *скитаниями*.

Определенную роль в наполнении номинативного поля образа Китая играют конструкции с предлогом, в основном – с предлогом «в». В них Китай выступает как страна, представляющая интерес для других держав, отправляющих туда своих представителей и инвестирующих в ее развитие, например: *Блонский был старожилом Мукдена и помощником военного агента России в Китае* (с. 46). Обращается внимание на словосочетания, в которых существительным *Китай* управляют глаголы активного действия, реализующие признак «миграция населения» (*въезжали, попадали, хлынули* и др.), например: *В Китай хлынули разбитые белые части...* (с. 66). Доминирующими в репрезентации образа Китая являются именительный, родительный и предложный падежи соответствующего имени.

Используются косвенные номинаты концепта *Китай*, образующие с ним синонимическое поле и оказывающие значимое влияние на ассоциативное развертывание образа: 1) топоним *Поднебесная* – в контексте об истории страны для обозначения географической территории, находящейся под властью китайского императора (китайцы считали императора сыном небес, а территория под небом принадлежала императору, поэтому они называли свою родину «Тянь Ся» – «под небом / весь мир»; 2) метонимическая перифраза *гостеприимная земля*, характеризующая народ; 3) терминологическое сочетание *Китайская империя* – общее название объединенных династий в эпоху диктатуры китайских монархов.

Образ Китая создается также с помощью производных единиц *китайский, китаец* и *китаянка*. Выявить признаки образа помогают коллокации, в которые вступает имя прилагательное *китайский(-ая, -ие)*. Они актуализируют признак «относящийся к Китаю как к государству или стране» и «принадлежащий китайскому народу». Прилагательное *китайский(-ая, -ие)* используется с существительными определенных тематических групп, образующих в тексте ассоциативно-смысловые цепочки («власть и ее представители», «символ государства», «компании, организации», «пространственно-территориальные объекты», «природные объекты», «средства передвижения», «деньги и финансовые операции», «люди, народ», «язык/речь и письменность», «религиозные объекты», «культурные артефакты»). В сочетании со

словом *китайский* автор использует экзотизмы: названия денежной единицы (*китайский серебряный юаню*), императоров (*китайские богдыханы*), средств передвижения (*китайские джонки*), религиозных объектов (*китайский Будда*, *китайская кумирня*).

Высокая номинативная плотность концепта (ключевое слово-номинал *Китай* встречается в мемуарных записках 54 раза и имеет контекстуальные синонимы и производные единицы: *китайский* – 105 раз, *китаец* – 53 раз, *китайка* – 5 раз) является показателем коммуникативной релевантности образа.

Параграф 2.3 «Тактики нарративной стратегии создания образа Китая» посвящен характеристике двух тактик – констатирующего и оценочного нарратива.

Повествовательная стратегия развертывания образа Китая реализуется в последовательности композитов-воспоминаний, связанных с передвижением автора и его семьи. Большую роль в развертывании образа скитаний по стране играет ассоциативно-смысловая цепочка, включающая топонимические единицы. Анализ хоронимов позволяет констатировать четыре линии передвижения автора: 1) Харбин ==> Мукден ==> Тяньцзинь ==> Пукоу ==> Нанкин ==> Чжэньцзян; 2) Чжэньцзян ==> Шанхай ==> Чифу (Янтай) ==> Аньдун ==> Мукден ==> Чанчунь ==> Харбин; 3) Харбин ==> Дайрен ==> Циндао ==> Шанхай ==> Гонконг ==> Учжоу; 4) Учжоу ==> Гонконг ==> Шанхай ==> Дайрен ==> Мукден. Таким образом, в мемуарных записках формируется образ восточной части Китая. Их автор был проездом в этих местах или жил там какое-то время. Развитие восточных и западных регионов Китая было неравномерным, и политические, экономические и культурные центры были расположены на востоке. В начале XX века именно на этой территории особенно ощущалось влияние на Китай иностранных держав.

Динамический характер повествования, передающий передвижение автора по Китаю, создается с помощью лексико-семантических средств: 1) глаголов движения и образуемых от них существительных (*ехать, поехать, переехать, въезжать, уходить, плыть, подплывать, плавание, отплытие, прибытие, пересадка* и др.); 2) существительных *путь, дорога*; 3) наречий *опять* и *снова*, контекстуально передающих непрерывность пути и многократно сочетающихся с глаголами движения и существительными *путь, дорога*, например: *мы не задерживались и вскоре уже опять плыли на японском пароходе в Шанхай* (с. 74). Указание на хронологию передвижения, с одной стороны, способствует развитию сюжетной линии повествования, с другой – свидетельствует о точности географической составляющей образа: *Итак, в начале февраля 1922 года ехали мы с мамой на поезде...* (с. 47). Указание дат организует временный диапазон (1911–1926) воспоминаний Б. С. Колоколова, определяя исторический фон образа.

Констатирующий нарратив вводится языковыми единицами, свидетельствующими о воспоминаниях Б. С. Колоколова: предикатами, обозначающими семантическое поле «память» (*вспоминать, вспомнить, вспомниться, вспоминаться, помнить, помниться, запомниться*) и существительными вос-

поминание и память, например: *И тут вспомнился эпизод: по лестнице со второго этажа в нашем доме как-то спускался один из слуг...* (с. 55). Эти единицы характеризуют ретроспективную направленность текста.

Смысл образа особенно ярко прослеживается в ценностной оппозиции «свой – чужой», которая «пронизывает» повествовательные и описательные контексты. В мемуарах используются перифрастические обороты *мальчишка из чужой страны, представитель незнакомого народа*, которые характеризуют автора и логически контрастируют с фразой из текста: *Среди китайской толпы я не чувствовал себя чужим, хотя, естественно, обращал на себя внимание* (с. 79). Он метафорично называет свой дом в Китае *родным гнездом*: *...наконец, выехали из дома, многие годы служившего нам родным гнездом* (с. 43). Чувство сопричастности Б. С. Колоколова китайскому народу, его любовь к *этой гостеприимной земле* выражены эксплицитно с помощью эмоциональных конструкций: *старый наш Мукден* (с. 71); *слившись душевно с народом этой гостеприимной земли* (с. 15). Россия же характеризуется с помощью контекстуальной антитезы как *своя*, но *далекая и непонятная страна*.

В параграфе 2.4 «**Тактики дескриптивной стратегии и особенности ее реализации**» описаны наиболее характерные для мемуарных записок Б. С. Колоколова дескриптивные тактики: тактики описания человека (просопография и характеризм), тактика описания городов и провинций и тактика описания средств передвижения.

В записках дано более или менее подробное описание близких автору людей и иностранцев, а вот развернутые описательные контексты, посвященные представителям китайского народа, единичны. О жизни китайцев читатель составляет представление из упоминаний их профессий и того, кем приходилось им работать. В тексте эти упоминания представляют собой включения информационно-описательного регистра, например: *Наряду с этим из-за примитивности быта маме приходилось заниматься и хозяйственными вопросами, хотя, конечно, была, видимо, и прислуга, но поскольку она состояла из людей коренного населения, то была совершенно не знакома с требованиями жизни на иностранный лад. Называла она их сартами* (с. 24). Часто встречаются составные существительные, состоящие из слов двух лексико-семантических групп – наименований лиц по национальности и наименований лиц по профессии. Большинство из них – наименования низкооплачиваемых профессий, связанных с физическим трудом: *рабочие-китайцы; машинист-китаец; китаянка-«ама» (няня); китаец-бой (слуга); китайцы-помощники (секретари); китаец-рикша; китайцы-носильщики; китайцы-грузчики; повара-китайцы* и т. д. Тем самым обращается внимание читателя на то, что в начале XX века китайцы занимались преимущественно физическим трудом. Конечно, были богатые и образованные (например, *китаец-сяньшэн* (деревенские шэньши), *состоятельные китайцы, учитель-китаец*), однако они упомянуты в единичных случаях. Показано, что китайцы обладают низким социальным статусом по сравнению с живущими или работающими

ми в Китае иностранцами, у которых имеется высокооплачиваемая престижная работа (*директор-американец, англичане-инженеры, врач-англичанин, офицеры-индусы, еврей-предприниматель*). Бедность китайского народа передается также с помощью описания их внешнего вида, например: *Густая толпа китайцев, одетых в ватники, однообразных, суетящихся, толкающих друг друга и что-то кричащих за окнами вагона. <...> Стоят продавцы в широких толстых войлочных туфлях с горбинкой спереди и толстой теплой прокладкой, чтобы не мерзли пальцы. Все очень бедно одеты* (с. 50) – используется преимущественно лексика зрительного восприятия, фиксирующая форму (*одетых в ватники*), объем (*широких войлочных туфель с горбинкой*), положение в пространстве (*кричащих за окнами* и др.). Лексика, отражающая слуховое восприятие, встречается в описании городов (Шанхай с его *шумным движением*), транспорта (например, *громыхавшие коваными колесами, гудки издавали резиновые груши*).

Пристальное внимание уделяется описанию городов и провинций, большинство из которых расположено на востоке Китая: *Далянь, Харбин, Мукден, Цицикар, Чаньчунь, Сунфэньхэ, Аньдун, Маньчжурия* относятся к северо-восточной части Китая; *Шаньдун, Шанхай, Кантон, Вэйхайвэй, Янтай (Чифу), Тяньцзин, Нанкин, Чжэньцзян, Фучжоу, Учжоу, Гонконг, Макао* – к восточному прибрежному региону Китая. Образ городов, которые произвели на автора сильное впечатление, создается тропеически, например: *Мне было жаль уезжать из Шанхая. За короткое время я как-то полюбил этот город, этот колоссальный муравейник с его небывалым шумным движением* (с. 75) – зооморфная метафора (*колоссальный муравейник*) и гиперболы (*небывалым... движением*) способствуют созданию образа большого города, который, по словам автора, «ошеломил» его; астионимический гипотипозис отражает внутренний мир героя, то есть сочетается с донизисом (описание чувств). В описании Харбина часто используется прилагательное *русский*, поскольку этот город воспринимается как русский город, находящийся на территории Китая: *всюду русские лица, везде русские названия улиц, есть русская школа, русская гимназия, русские магазины, база русской медицинской службы и русский говор; в Харбине держался русский дух, были женский монастырь и бесчисленное количество церквей*, которые символизируют религиозные верования русских.

Используя астионимический гипотипозис, Б. С. Колоколов тщательно описывает улицы, магистрали и застройку того или иного города – различного рода здания: магазины, гостиницы, вокзалы и порты, школы и училища, банки, храмы и т. д. В описании Шанхая употребляются топонимические наименования на иностранном языке (*Bubblin Well*, магазины «*Синсир Уингон*» и «*Вайтевай-Лейдлоу*», торговая магистраль *Nankin Road* и др.), которые зрительной наглядности не придают, но способствуют документальной точности в изображении внутреннего пространства города, ярко отражают его социокультурные страны. Описание городов дается не отстраненно, а через

восприятие автора, эксплицитно выражающего свое я рассказчика (*Я был достаточно большой, чтобы постепенно с ним знакомиться* (с. 75)). Такого рода объективированные описания, направленные на документальное, точное воспроизведения обстановки, придают тексту публицистичность.

В параграфе анализируются также описания домов, в которых жили иностранцы, зданий бельгийского, английского, французского консульства, контор и заведений. Автор создает не только внешний, но и внутренний пространственный образ домов с помощью так называемой общей образности.

Делается вывод, что в мемуарных записках с помощью астионимического гипотипозиса создается образ Китая, восточные регионы которого в начале XX века отличаются быстрым темпом жизни, процветанием городов, интеграцией иностранной (в частности, русской) и китайской культур.

Большое внимание уделяется описанию средств передвижения. Этот вид гипотипозиса предложено называть порейонимическим. Автор мемуаров подробно описывает наземный транспорт: *фудутунки, арбы, кареты, паланкины, гибрид велосипеда и рикши, автомобили, конки* (в Мукдене); *двухколесные «драндулеты», маршрутные такси, автобусы «Магирусы»* (в Харбине). Например: *Кроме рикши на резиновом, мягком ходу, были «фудутунки», запряженные в одну лошадь, с крытым верхом и стенами с трех сторон, и со входом, прикрытым пологом, громыхавшие коваными колесами по обычной каменной мостовой по улицам города и мягкой, пыльной проселочной дороге за его пределами* (с. 34). Перечисляются составные части каждого транспортного средства – это прием так называемого предметного описания (В. И. Коньков, О. В. Неупокоева). Порейонимический гипотипозис помогает отразить специфику городов Китая.

Б.С. Колоколов демонстрирует многообразие водного транспорта: читатель узнает о старом колесном пароходе *«Иванов»*, плавающем по реке Сунгари; пароходе *«Dardanus»* линии *«Blue Funnel»*; японском пароходе *«Katori Maru»* общества *«Nippon Yusen»*; американской канонерке *«Patranga»* и др. Называются даже признаки, по которым можно определить принадлежность транспорта той или иной стране. Этот тип описания транспорта, используя в авторских комментариях о навязывании Китаю невыгодных договоров, помогает создать оценочный образ Китая как страны, в водных пространствах которой свободно передвигался транспорт, принадлежащий компаниям других стран.

В параграфе **2.5 «Тактики комментирования и их роль в создании образа Китая»** охарактеризованы две коммуникативно-речевые тактики, реализующие субстратегию комментирования: тактика историко-фактологического и тактика лингвистического комментирования.

В историко-фактологических комментариях с использованием характерных для публицистических текстов метонимических оборотов Китай предстает как субъект активной внешней политики, например: *Даже Италия не хотела остаться в стороне и тоже выдвинула какое-то требование, но*

Китай, учитывая относительно высокое значение европейских держав, сумел ее притязания вежливо отвергнуть» (с. 44). Политическую обстановку в стране автор описывает метафорически, подчеркивая отсутствие единства у китайской власти, ее неспособность влиять на политическую ситуацию: *В северных провинциях Китая грызлись между собой милитаристы, сохранившие свои вооруженные силы* (с. 90) – используется метафорическая модель «Милитаристы – это звери». Образ Китая создается с использованием антропонимов, являющихся именами китайских политиков (*Чжан Цзолин, Юань Шикай, Пу И, Сунь Ятсен*), представляющих разные политические силы, а также наименований различных политических движений (*генеральная стачка, демонстрации, антииностранное движение, антиимпериалистическое движение*). Тактика историко-фактологического комментирования предстает как важный компонент аргументативной структуры текста, позволяющей создать образ Китая начала XX века как политически разрозненного и неблагополучного государства.

Тактика лингвистического комментирования направлена на создание языкового облика народа с характерными для него многообразными наречиями (*трудно различимым цоканьем, искаженным пекинским наречием – гуанхуа, ломаным английским, получившим название «Pidgin English»*) и описание языковой ситуации. Автор пишет о происхождении названий городов, сел, рек и т. д. – например, о реке Хуанхэ: *Была она небольшая, мелководная, поэтому и называли ее китайцы Сяохэнь, т. е. «берег речки». Я заметил, что китайцы, живя на берегу реки, опускают в разговорной речи ее название. Так, на берегах самой крупной реки Янцзыцзян я слышал обычно короткое «чандян», то есть «длинная река»* (с. 45). Переводческий комментарий помогает автору отразить восприятие его как иностранца китайским народом: *Одни [китайские мальчишки] млели перед мальчишкой из чужой страны, представителем незнакомого народа, который их старшие братья и отцы называли «большеносыми» – «да бинза», другие, наоборот, склонялись поиздеваться, если были постарше и посильнее, обзывая «янгуйцзы», что в переводе должно было обозначать «заморский чертенок»* (с. 47). Слово *мальчишка* является разговорным и имеет уничижительный оттенок, однако в контексте противопоставления и в сочетании с глаголом *млели* передает снисходительное отношение к чужестранцу. Если прозвища *да бинза* (номиналирующее русских как большеносых в восприятии китайцев) и *дахудза* (номиналирующее русского как человека, имеющего бороду) просто выражают ироническое отношение китайцев к русским, то *янгуйцзы* (черт или дьявол из-за рубежа) выражает их страх перед иностранцами, резко негативное, грубое отношение к ним. Таким образом, автор пишет о двойственном к нему отношении китайцев: для одних он просто «мальчишка из чужой страны», для других – «заморский чертенок» (прозвище-метафора).

Третья глава «Коммуникативно-речевые стратегии, тактики и приемы создания образа Китая в мемуарах С. А. Далина» логически и композиционно строится по той же схеме, что и вторая глава.

В параграфе 3.1 «**Имиджево-мемориальная стратегия и ее субстратегии в мемуарах С. А. Далина**» определяется ведущая коммуникативная стратегия в «Китайских мемуарах 1921–1927». Их автор три раза работал в Китае (в 1922, 1924, 1926–1927 гг.), поэтому образ Китая воссоздается им как представителем Коминтерна. Личная биография автора влияет на выбор коммуникативно-прагматической цели, с которой соотносится глобальная коммуникативно-речевая стратегия текста: *Я пишу лишь о том, что видел, слышал, о чем тогда думал*. На характер цели указывают используемые глаголы восприятия *видеть, слышать* (указание на фактологичность, документальность) и глагол состояния *думать* (указание на субъективность повествования, презентацию себя, своих мыслей). Автор неоднократно напоминает, что его текст представляет собой мемуары, а не исторический документ, повествующий об истории революции в Китае: *Прошу читателя также учесть, что это мемуары, а не история революционного движения в Китае* (с. 12)⁹. Тем самым он подчеркивает свое жанровое право на субъективность авторских размышлений и оценок. В связи с этим глобальная стратегия определяется нами как **имиджево-мемориальная**, связанная с намерением автора не только рассказать о том, что он пережил в революционном Китае, но и представить свои рассуждения, мысли об увиденном и услышанном. Избранная автором стратегия обуславливает определенную частотность слов в тексте: *революция, партия, армия, рабочий* – слова, входящие в круг наиболее частотных.

Далее дается обоснование выделения четырех внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий, реализующих глобальную коммуникативную стратегию и способствующих созданию образа Китая: номинативной, нарративной, дескриптивной стратегий и стратегии рассуждения, связанной с разъяснением и обсуждением событий, произошедших в Китае в начале XX века.

В параграфе 3.2 «**Тактики номинативной стратегии в репрезентации образа Китая**» характеризуются тактика именования ключевого образа-концепта и тактика именования объектов с использованием единиц, производных от слова *Китай*.

Ключевым словом-номинатом образа Китая в мемуарах является слово «Китай». Об этом свидетельствует его высокая частотность: в разных словоформах оно используется 472 раза. Встречаются два синонимичных ключевому слову номината образа: *Поднебесная империя* (используется один раз в исторической справке и обозначает территорию Китайской империи) и *Китайская Республика* (Китай в 1920-е годы был республикой, которую возглавляло национальное единое правительство, но различные политические

---

⁹ Здесь и далее страницы указываются по изданию: Далин С. А. Китайские мемуары. 1921–1927. М. : Наука, 1982. 382 с.

силы, обязанные подчиняться «центральному правительству», действовали в своих интересах).

В лексико-семантическое поле образа входят клишированные конструкции (*созреть для развития, встать на путь развития, очутится во власти*) и термины (*капиталистическое развитие, полуколония, иностранный империализм*). Они используются в тех предложениях, где номинат образа выступает в роли подлежащего, например: *Китай созрел для капиталистического развития...* (с. 280). Фитоморфная метафора *Китай созрел*, как и другие клишированные обороты, позволяет репрезентировать образный признак роста, развития страны, а термины и фразеологизм *очутиться во власти*, как и конструкции дефинитивного типа (например: *Китай – классическая страна таких революций...* (с. 274)) – дать оценочную характеристику этому развитию.

Лексико-грамматическое поле вербализации образа включает конструкции, в которых слово *Китай* используется в винительном падеже с предлогом «в». Они встречаются в мемуарах 23 раза, причем в большинстве случаев (19) в них используются существительные (*путь, проезд, поездка, отъезд*), глаголы (*выехал, поехать, ехать, выехать, возвращаюсь, приехал*), включающие сему «движение»: *выехал в Китай, путь в Китай, проезд в Китай* и др. Китай предстает как страна, на территорию которой въезжает и откуда выезжает большое количество людей, в частности иностранцев, преследующих разные цели. Сочетания глаголов насильственного действия с зависимым топонимом *Китай* в винительном падеже реализуют образный признак «подчиненность Китая», например: *иностранцы угнетают Китай* (с. 133). Этот признак актуализирован также глаголами других лексико-семантических классов (*освободить, демократизировать, вывести*), например: *Он должен освободить от милитаристов весь Китай* (с. 128).

Производные от топонима *Китай* словообразовательные единицы в мемуарах характеризуются следующей частотностью: *всекийтайский* – 22 раза, *китайский* – 347 раз, *китаец* – 42 раза, *китайка* – 8 раз. Прилагательное *всекийтайский* используется в словосочетаниях: *Всекийтайский съезд рабочих союзов* (9 употреблений), *Всекийтайский съезд Социалистического союза молодежи* (7), *Всекийтайский съезд студенческих союзов* (2), *всекийтайский парламент* (1), *всекийтайский президент* (1), *Всекийтайская конференция Го-миньдана* (1), *фигура всекийтайского масштаба* (1). Частотное употребление прилагательного *всекийтайский* объясняется профессиональным вниманием автора к политической ситуации в стране, особенно к рабочему классу и молодежи как революционным силам. Прилагательное *китайский(-ая, -ие)* в значении «относящийся к Китаю как государству или стране» или «принадлежащий китайскому народу» используется с существительными определенных тематических групп, образующих в тексте 12 ассоциативно-смысловых цепочек: «представители власти»; «насильственные изменения власти»; «приверженцы идеологии»; «война»; «социальный класс»; «пространственно-территориальные объекты»; «торговля»; «произведения искусства и культу-

ры»; «железная дорога»; «народ»; «люди определенного возраста, профессии/рода деятельности»; «язык/речь и письменность». Чаще всего употребляются словосочетания с прилагательным *китайский(-ая, -ое)*, входящие в тематические группы «социальный класс» (54), «пространственно-территориальные объекты» (42) и «насильственные изменения власти» (30). Наиболее часто встречаются словосочетания *китайская революция* (30), *китайская буржуазия* (23), *китайские города* (21), *китайский народ* (19) и *китайские коммунисты* (16). Высокая частотность словосочетаний названных тематических групп объясняется, с одной стороны, профессиональным интересом автора, как представителя Коммунистического интернационала, и целью его посещения Китая, с другой – объективными фактами, связанными с социальной стратификацией Китая начала XX века. В мемуарах Китай предстает как страна классово-борьбы и революций.

Параграф 3.3 «Тактики нарративной стратегии создания образа Китая» посвящен характеристике тактики констатирующего нарратива и тактики оценочного нарратива, реализующих повествовательную стратегию.

В нарративную цепочку, играющую важную роль в создании географического образа страны, входят названия поселений: хоронимы (*Гуандун, Гуанси, Сычуань, Хунань, Цзянси, Шаньси, Аньхуэй, Фуцзянь, Хубэй*), астионимы (*Харбин, Шанхай, Кантон, Пекин, Тяньцзинь, Сватоу (Шаньтоу), Сямьнь, Гонконг, Учан, Ухань, Наньчан, Цзиань, Чанчун, Мукден (Шэньян), Нанкин, Гуйлинь, Ханькоу, Кайфын, Макао, Чанша, Ганьчжоу, Пукоу*), комонимы (*Самэй, Дачао, Чжанкоу, Маши, Наньсюн, Шаогуань, Даюй, Нанькан, Ваньан*); названия водных объектов: гидронимы (*Хуанпу, Янцзы, Бэйцзян, Ганьцзян, Чжуцзян*), пелагонимы (*Южно-Китайское море, Формозский (Тайваньский) пролив*).

В зависимости от цели поездки выделяются три маршрута пребывания С. А. Далина в Китае: 1) участие в I Всекитайском съезде Социалистического союза молодежи в Гуанчжоу: Харбин ==> Чанчунь ==> Шанхай ==> Пекин ==> Тяньцзинь ==> Пукоу ==> Нанкин ==> Шанхай ==> Сямэнь ==> Шаньтоу ==> Гонконг ==> Гуанчжоу ==> Шанхай ==> Пекин; 2) участие в Пленуме ЦК Социалистического союза молодежи в Шанхае: Владивосток ==> Шанхай; 3) обсуждение организационных и политических вопросов, связанных с Университетом трудящихся Китая имени Сунь Ятсена: Шанхай ==> Гуанчжоу ==> Шаогуань ==> Наньсюн ==> Даюй ==> Ганьчжоу ==> Наньчан ==> Цзюцзян ==> Ухань ==> Шанхай. В мемуарах упоминаются также топонимы, обозначающие маленькие села и деревни (*Самэй, Дачао, Маши* и т. д.). Таким образом, автор представляет топонимическую картину восточной и юго-восточной части Китая начала XX века.

В мемуарах широко используется лексика с семантикой передвижения: глаголы (*подъезжать, приехать, пройти, подходить, идти, переплыть, плыть, тронуться*) и образуемые от них существительные (*отъезд, переход, переезд*). Неоднократно упоминаются слова *дорога, путь* и *путешествие*,

придающие динамический характер повествованию: *За четыре дня дороги от Харбина я проехал весну...* (с. 76). Путешествие автора по Китаю характеризуется прерывностью и «полевостью экспедиции» (много пеших маршрутов), что отличается от «скитаний» Б. С. Колоколова, который перемещался только на поезде и на пароходе между большими городами. С. А. Далин лично участвовал в «китайской северной экспедиции»: он бывал в сельской местности, видел реальную картину сельскохозяйственной деятельности Китая.

Автор мемуаров указывает на временные интервалы перемещения по стране, а не только описывает географические места: *Почти целую неделю шла подготовка к нашему пешеходному путешествию в Шаогуань...* (с. 96) – интенсификатор *почти*, отражающий субъективное восприятие времени, помогает создать образ Китая как страны с обширной территорией.

Тактика оценочного нарратива представляет собой вкрапление в повествовательные контексты репродуктивного или информативного регистров оценочных языковых и речевых средств. Выделяются частные оценки, способствующие экспрессивности повествования: сенсорно-вкусовые, психологические и этические. Отмечается использование клишированных конструкций (*подлинные товарищи, люди исключительной самоотверженности, большой моральной чистоты, беззаветной преданности делу, моральное разложение*), которые помогают автору выразить отношение к Коммунистической партии Китая и Гомиьдану.

В параграфе 3.4 «**Тактики дескриптивной стратегии и специфика ее реализации**» дана характеристика основных тактик, реализующих стратегию дескрипции: тактики описания политических фигур и представителей народа, тактики описания городов и деревень, тактики описания политических массовых движений и тактики хорографии (описание традиций и обычаев).

В начале XX века в Китае велись непрерывные войны, шла демократическая революция. С. А. Далин в качестве представителя Коммунистического интернационала участвовал в ряде важных событий в Китае, таких как: встречи с основателями Коммунистической партии Китая; переговоры с Сунь Ятсеном; передвижение пешком из Кантона в Ухань вместе с Национальным правительством (Гомиьдан), во время которого он общался с рядом чиновников Гомиьдана и Компартии Китая, в том числе с Чан Кайши. Используемые в мемуарах антропонимы, позволяющие автору показать политическую разрозненность Китая, обозначают: 1) милитаристов: *Чэнь Цзюньмин, Сюй Шичан, Ли Юаньхуна, Юань Шикай, Фын Юйсян, Ван Цзинвэй, Сун Чуаньфан, У Пэйфу*; 2) гомиьдановских фигур: *Сунь Ятсен, Чан Кайши, Гай Потин, Ли Фулинь, Ли Цзишэнь, Ляо Чжункай, У Тинфан*; 3) коммунистов: *Цюй Цюбо, Мао Цзэдун, Чэнь Дусю, Хун Биньхунь, Чжан Тайлэй*. Нередки сочетания антропонимов первой группы и существительных, обозначающих чин высшего командного состава армии (например: *генерал Фын Юйсян*).

Называются не только имена собственные политических деятелей, но и прозвища (клички), дающие им оценочную характеристику. Отношение к Гомиьдану и его представителям выражается с помощью отрицательно-

оценочных средств. Так, *Гай Попин* (начальник кантонской полиции) характеризуется как *реакционер, взяточник и отвратительная личность* (с. 144); *Чэнь Гунбо* (начальник уезда) – как *проходимец и политический авантюрист*, имеющий кличку «*Рисовая корзина*» (...так в Китае называется человек, который думает исключительно о своем брюхе и кармане (с. 299)). Неоднократно подчеркивается, что армию Гоминьдана составляют бывшие бандиты и милитаристы, – например, с помощью антифразиса и лексики с семантикой уничтожения: *Новые «революционные» генералы жгли революционные деревни, расстреливали вожakov крестьянского движения и готовили удар по рабочему классу* (с. 244).

Далее рассматриваются приемы создания негативного образа *Чан Кайши* – верховного лидера Гоминьдана после смерти Сунь Ятсена. Отмечается важная роль в создании негативного образа политиков повтора предлогов (позволяет обратить внимание на коррупционную деятельность политика, воровство, на негативные последствия его действий для народа), антифразиса, приема контраста и других стилистических средств. Делается вывод, что в мемуарах создается негативно-оценочный образ Гоминьдана, отражающий ироническое отношение автора к представителям правящей власти Китая.

Отношение автора к Коммунистической партии Китая выражается с помощью эпитетов, передающих идею преданности ее членов коммунизму, например: *Здесь погибли лучшие, беззаветно храбрые коммунисты Китая* (с. 243). Положительный образ Компартии Китая репрезентируется и путем ее сопоставления с Гоминьданом, что создает в тексте стилистический контраст, в котором большую роль играют конструкции с отрицанием, эпитеты и лексические повторы.

Дескриптивная стратегия реализуется также с помощью тактики описания обычных людей разного возрастного и социального статуса: это нищие, рикши, кули, рабочие, крестьяне, оборвыши (о детях) и т. д. Для создания образа китайского народа используется характеризм – прием описания внешнего вида, который часто конвергирует с приемом детального описания невербального поведения, например: *Снова железнодорожные станции с толпами просящих подаяние совершенно голых детей, снова дикие забавы иностранцев, вроде швыряния в толпу медяков, вызывавших драки и рев оборванных, измученных голодом нищих людей* (с. 87–88) – распространенность нищеты актуализирована с помощью лексического повтора (*снова*).

В параграфе рассматриваются: 1) приемы описания людей – представителей различных отдельных профессий, их труда: эпитеты (например, *лошадный труд* – о кули), антитеза (*исхудалый* китаец-рикша и сидящий в колясочке *толстый, грузный китаец*), сравнения и зооморфные метафоры (например, о жизни рикши: *хозяин выбрасывает его, как выжатый лимон* (с. 70)); 2) приемы описания в тексте внешности и одежды рабочих с помощью эпитетов *босые, ветхой, залатанной, оборванный, жалкое*; 3) приемы описания жизни крестьян (их быта, жилища) и лиц с использованием лексики с семой «отсутствие чего-либо» (*серые, голые, бедные, разоренных, нищих*,

безземельными, безысходное). Делается вывод, что в мемуарах создается образ китайского народа, страдающего от горя, нищеты и несправедливости.

Наиболее детальное описание получили *Шанхай*, *Пекин* и *Гуанчжоу*. Шанхай характеризуется как современный «иностраный город на китайской земле», вызвавший у автора чувство потрясения, выраженное с помощью прилагательных в превосходной степени (например: *один из крупнейших мировых открытых портов...* (с. 77)). В отличие от шумного Шанхая, Пекин предстает как старинный город-музей, почти не подверженный влиянию современной цивилизации, сохраняющий свою самобытность и имеющий глубокое культурное наследие, что подчеркивается с помощью эпитетов, например: *...вы находитесь не в шумной столице, а в каком-то грандиознейшем музее* (с. 86). Отмечается также, что при описании городов Китая в мемуарах часто встречаются прилагательное *торговый* (67 употреблений) и существительное *торговля* (45 употреблений), например: *Харбин, оживленный торговый город* (с. 73). Таким образом, с помощью дескриптивной стратегии создается образ Китая как торговой страны; страны контрастов, в которой есть старинные города (Пекин, Шаогуань, Наньсюн, Учан, Наньчан) и современные процветающие мегаполисы (Шанхай, предстающий в образе сосуда, залитого светом); страна, многомиллионный народ в которой живет бедно, умирая от голода, несмотря на изобилие товаров.

Образ Китая в мемуарах включает и образ массовых революционных и политических мероприятий, таких как забастовочное движение, манифестации, митинг, политическая встреча, рабочее движение, демонстрации, забастовки, студенческая демонстрация, антиимпериалистическое движение, стачечное движение. Часто метафорически используется глагол *вспыхнуть*, подчеркивающий внезапность политических событий; прилагательные, характеризующие их образ в аспекте масштабности (*массовый, большой, огромный*), интенсивности и эмоциональности (*ожесточенный, бурный, могучий, грозный*). В описании революционных движений встречаются яркие сравнения и метафоры, ассоциативно связывающие движения с неуправляемыми стихиями (бурей, лавиной), например: *Демонстрация была похожа на красную лавину* (с. 109).

Названы стилистические приемы, используемые для выражения автором положительно-оценочного отношения к тем, кто осуществляет революционную борьбу: эпитеты, гиперболы; лексемы с семантикой множественности, численности события (*тысячи, сотни, толпы, колонны, массы*); метафоры, построенные по моделям «Революционное событие/движение – это стихийное бедствие (лавины, буря, огонь)», «Китайский народ – это бушующее, кипящее море с революционными громом и бурями».

В тактике хорографии с помощью языковых единиц, обозначающих китайскую церемонию гостеприимства (*чаепитие*) и традиционные блюда (глюттонимы: *суп из плавников акулы, китайские пряности, ласточкины гнезда*), формируется образ Китая как восточной страны с национальной культурой гостеприимства и питания; религионимы (*кумирня, гадальщик*,

храмы предков) и другие единицы (изображение богов, монахи, злые духи) помогают автору передать религиозность китайских деревень. В описании семейных традиций наблюдается сочетание композитов-размышлений и композитов-описаний.

В параграфе 3.5 «Тактики рассуждения и их роль в создании образа Китая» доказывается, что для мемуаров С. А. Далина характерны тактики рассуждения: аргументирующего цитирования, историко-фактологического разъяснения и выражения оценки в аргументации.

В мемуарах цитируются ценные исторические материалы: правительственные документы, записи разговоров, данные протоколов следствия, письма, сообщения газеты, лозунги. Так, для обоснования негативного отношения к факту плохих условий жизни китайских рабочих, их вынужденной борьбы за улучшение своего социального статуса используется цитата из воспоминаний известной личности (аргумент к авторитету): *Положение китайских рабочих как на китайских, так и на иностранных фабриках и заводах было ужасным* [тезис]. *Шервуд Эдди, международный секретарь Христианского союза молодых людей, которого никак нельзя было заподозрить в предвзятости и пристрастии* [отсылка к авторитету], так описывал положение рабочих на шанхайских текстильных фабриках... [и далее идет цитата] (с. 196).

В мемуарах упоминаются исторические события в Китае, свидетелем которых был автор или о которых он получил информацию, наводя исторические справки. Так, С. А. Далин пишет: *И если все же в некоторых случаях приходилось прибегать к историческим справкам, то это делалось только для объяснения тех или иных событий, о которых здесь говорится* (с. 12). Разъяснения исторических событий помогают более полно воссоздать образ Китая того времени. Тактика историко-фактологического разъяснения используется в контекстах о классовой борьбе и революционном движении и характеризуется: фактологической точностью – указанием дат событий; нетропеичностью и терминологичностью – использованием наименований политических групп и организаций (*всекитайские съезды рабочих союзов, Социалистический союз молодежи, коммунистических организаций различных провинций*), органов власти (*Центральное бюро Коммунистической партии Китая, Всекитайский секретариат рабочих союзов*).

Рассматриваются аксиологические противоположные средства выражения отношения автора к Гоминьдану и Компартии Китая в структуре аргументации (эпитеты, метафоры, лексические повторы, антитеза и др.). Прослеживается аксиологическая оценка партий по параметру «свой – чужой», позволяющая автору мемуаров создать негативный образ партии Гоминьдана, противопоставить его образу Компартии Китая.

В заключении формулируются основные выводы и намечаются перспективы исследования образа Китая.

Коммуникативно-прагматический анализ материала исследования показывает, что образ Китая, репрезентированный в мемуарном дискурсе, опреде-

ляется глобальной коммуникативно-речевой стратегией авторов текстов: в мемуарных записках Б. С. Колоколова – мемориально-информационной; в мемуарах С. А. Далина – имиджево-мемориальной. И та и другая стратегии характеризуются общностью трех основных внутрижанровых коммуникативно-речевых тактик (номинативной, нарративной и дескриптивной), но отличаются композиционно (что наряду со сверхзадачей предопределило особенности четвертой тактики у каждого из них) и определенной спецификой их языкового/речевого выражения. Ретроспективность мемуарного повествования в записках Б. С. Колоколова основана на воспоминаниях, в мемуарах С. А. Далина – дополнительно на обращении к документальным источникам. Анализ языкового/речевого воплощения тактик внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий в произведениях названных авторов позволяет системно охарактеризовать ценностно и культурно значимый дискурсивный мемуарный образ Китая начала XX века, который складывается из двух разных и в то же время обладающих сходством образов и является формой культурной памяти.

Перспективы исследования видятся в возможности анализа образа Китая на материале мемуаров других авторов: Е. А. Якобсона, А. И. Черепанова, Ю. В. Чудодеева, И. И. Серебренникова, Б. Г. Сапожникова, – а также в изучении динамики этого образа в русскоязычном разножанровом дискурсе.

По теме диссертации опубликованы следующие научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Сун, Д. Композиционно-речевые стратегии и приемы создания образа Китая в мемуарных записках Б. С. Колоколова / Д. Сун // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 459–465. – 1,06 печ. л.

2. Сун, Д. Филологическая имагология в Китае: научно-исследовательский обзор / Д. Сун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 319–326. – 0,86 печ. л.

3. Сун, Д. Исследования мемуарных текстов в современной лингвистике: краткий аналитический обзор / Д. Сун // Филология: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 9–18. – 0,5 печ. л. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35301.

В других периодических изданиях и сборниках:

4. Сун, Д. Лингвистическая имагология как направление современных научных исследований: обзор литературы / Д. Сун // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. – 2018. – № 9. – С. 387–393. – 0,38 печ. л.

5. Сун, Д. Языковой образ России в русскоязычной версии газеты «Жэньминь Жибао»: географический аспект / Д. Сун // Сибирский филологический форум. – 2018. – № 4 (4). – С. 105–113. – 1,06 печ. л.

6. Сун, Д. Ценностная составляющая образа Китая в мемуарах Б. С. Колоколова / Д. Сун // Аксиологические аспекты современных филологических

исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2019. – С. 304–306. – 0,1 печ. л.